

Научная статья
УДК 82-221; 330.16
doi: 10.17223/19986645/86/10

Проблема процента в «Венецианском купце» У. Шекспира: многообразиие смыслов

Александр Васильевич Ковалёв¹

¹ *Белорусский национальный технический университет (Минск, Республика Беларусь),
kavaliou.aliaksandr@gmail.com*

Аннотация. Анализируются представленные в комедии У. Шекспира «Венецианский купец» взгляды на хозяйственное явление процента в Средневековье. Целью статьи является интерпретация смыслов процента и ростовщичества. Основным методом исследования выступил контент-анализ произведения в сочетании с экономико-историческими источниками. Сделан вывод о представлении автором Шейлока равным иным героям и по выполняемой социальной и хозяйственной миссии, и по степени греховности.

Ключевые слова: Шекспир, ростовщичество, процент, межвременная ценность потребления, мораль

Для цитирования: Ковалёв А.В. Проблема процента в «Венецианском купце» У. Шекспира: многообразие смыслов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 86. С. 184–194. doi: 10.17223/19986645/86/10

Original article
doi: 10.17223/19986645/86/10

The problem of “interest” in Shakespeare’s *Merchant of Venice*: Diversity of meanings

Aliaksandr V. Kavaliou¹

¹ *Belarusian National Technical University, Minsk, Republic of Belarus,
kavaliou.aliaksandr@gmail.com*

Abstract. The article analyzes the views on the economic phenomenon of the interest in the Middle Ages presented in William Shakespeare’s comedy *The Merchant of Venice*. The standard interpretation of the play focuses on the problem of confrontation between economic practices based on the different religious morals. Ultimately, the victory of the “ideal” Christian world, the basis of which is altruistic help to one’s neighbor, over the sinful one, when activity rests on the greedy thirst for profit, is affirmed. Sometimes the plot of the play is interpreted as a confrontation between the characters in the axes “capitalism – socialism” and “racism – tolerance”. In the author’s opinion, the understanding of Shakespeare’s thought will be more complete and clear

if one feels the storyline through the phenomenon of interest. The aim of the article is to interpret the meanings of interest and usury in the play. The main research method was the content analysis of the play in combination with economic and historical sources. In the article, the interest is considered through the prism of the “sin” of usury, of religious and legal restrictions, and as the price of time. It seems that Shakespeare shares the latter attitude towards the interest, as a consequence of the positive intertemporal value of consumption. The interest acts as a compensation for the postpone of current consumption. So the credit received should logically be directed to business activities, where the sum of assets will increase. Receiving funds in order to ensure immediate, today’s consumption requires the borrower to refuse consumption in the future. Such a reading of the play through the prism of the economic phenomenon of the interest allows looking at Shakespeare’s attitude towards the characters from a different angle: Shylock is not only a bloodthirsty Jewish usurer, but also an advocate of the economic and legal order that ensures the economic prosperity of Venice; Antonio and others are sinful, too. With his activities, Shylock defends the Venetian economic foundations: the accumulation of capital allowed the republic to provide itself with the best merchant fleet and organize Mediterranean trade. Interest and usury for Shakespeare do not have a negative connotation. It was this interpretation of the interest that allowed him to classify the work as a comedy genre. Shylock “sells” Bassanio a different tomorrow, not more consumption today. The opportunity to marry Portia received in the logical “today” provided the “tomorrow’s” defense of Antonio in court and a successful, happily resolution of the litigation.

Keywords: Shakespeare, usury, interest, intertemporal value of consumption, moral

For citation: Kavalio, A.V. (2023) The problem of “interest” in Shakespeare’s *Merchant of Venice*: Diversity of meanings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 86. pp. 184–194. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/86/10

Введение

Пьеса «Венецианский купец» написана У. Шекспиром предположительно в 1596 г. и вот уже более четырех столетий притягивает взгляды людей искусства и науки, пытающихся различным образом интерпретировать сюжет и идеи автора. Только в XXI в. осуществлено 14 экранизаций произведения. Возможно, именно «Венецианский купец» является шекспировской пьесой, сюжет которой в наибольшей степени построен на фундаменте хозяйственных реалий. Стандартное экономическое «прочтение» комедии ставит в центр внимания проблему хозяйственного явления процента и решает её сквозь призму противостояния практик, основанных на различной морали, в конечном итоге утверждая победу христианского «идеального» мира над греховным. Представляется, что такая трактовка будет упрощением.

Более глубокое понимание отношения Шекспира к проблеме процента, а через неё и к героям произведения позволит дополнение религиозных аспектов нормирования ростовщичества и следующих из них моральных практик фактическими хозяйственными отношениями, составлявшими основу мироустройства средневековых североитальянских городов. Целью

статьи является интерпретация смыслов процента и ростовщичества в пьесе с позиций различной межвременной ценности потребления.

Межвременной характер явления процента подчёркивается этимологией слова. Английское «interest» напрямую происходит от латинского «interesse» – «иметь значение», но основу берёт в «inter esse» – «находиться между». Процент находится между сущностями – между должником и кредитором; между религиями; между задумкой деятельности и окончанием производственных процессов, результатом задумки; между различными во времени и пространстве состояниями действительности; между различными состояниями самого человека – между временем!

Экономико-исторические аспекты сюжета

Действие пьесы происходит в Венецианской республике в конце XVI в. Молодой повеса Антонио находится в затруднительном финансовом положении:

Небезызвестно вам, Антонио,
Как сильно я дела свои расстроил,
Ведя пышной гораздо образ жизни,
Чем позволяла скромность средств моих [1. С. 391] –

и намеревается решить проблемы женитьбой на богатой наследнице Порции. Необходимые для сватовства средства (а конкурировать придётся с принцами) он пытается занять у своего друга – уважаемого венецианского купца Антонио. Тот, однако, не располагает свободными деньгами, все они вложены в бизнес – корабли с товарами плывут к родной гавани, обещая владельцу немалые барыши. Имея высокий авторитет в финансовых делах, Антонио для предприятия Бассанио берёт в долг у еврея Шейлока 3000 дукатов на три месяца, обязуясь в качестве неустойки в случае неисполнения договора разрешить вырезать из своего тела фунт мяса. Корабли Антонио терпят крушение, погасить вексель он не в состоянии – и кредитор обоснованно требует неустойку, обращаясь в суд. Суд признаёт правоту Шейлока, тот намерен сполна получить по иску, однако в дело вступает ставшая женой Бассанио Порция. Пользуясь казуистическими ухищрениями, она под видом правоведа поворачивает процесс в сторону обвинения Шейлока в смертельно наказуемом преступлении – покушении на жизнь венецианца – и в результате тому сохраняют жизнь, но обязывают принять христианство и отдать купцу половину состояния.

Исследователь экономических аспектов творчества Шекспира F. Turner считает, что литературные критики в своих оценках произведения искажают великую литературу, сводя фабулу к противостоянию в осях «капитализм – социализм» и «расизм – терпимость», что страдает однобокостью. Их взгляды сводимы к четырем смыслам, которые противоречат друг другу:

– злая капиталистическая Венеция преследует и травит бедного еврея Шейлока до смерти;

– антисемитский расист Шекспир несправедливо рисует Шейлока злым капиталистом, противопоставляя ему бескорыстного Антонио и патриархально угнетённую Порцию;

– Шекспир изображает Шейлока расово толерантно, но тот из-за антикапиталистических венецианских христианских предрассудков вынужден стать злым капиталистом, чтобы поддержать себя;

– возможно, «невежественный» Шекспир в момент написания пьесы не знал, каким злым станет капитализм в конце концов – но мудрые критики ретроспективно могут понять его глубокую проницательность.

Хуже всего, что увлечённые поиском проявлений «социализма» и классового угнетения критики не увидели сути – описания меняющейся культурно-хозяйственной этики [2].

Отметим дополнительно ряд важных исторических обстоятельств. Во-первых, запрет на профессии для евреев Венеции не распространялся лишь на мануфактуру, ростовщичество и медицину, потому заняться почётным для города-республики купеческим бизнесом Шейлок попросту не мог. При этом Венеция во время действия пьесы являлась одним из наиболее развитых государств Европы. Во всей республике проживало около 2 миллионов человек, а в столице – 170 000. Процветание городу принесла морская торговля: в условиях низкой эффективности использования сухопутных дорог из-за их качества, необходимости конвоирования груза на протяжении всего маршрута и обилия таможенных сборов купцы обратили взор на естественные транспортные артерии – речные и морские. К этому добавились и технические, и организационные новации в виде долевого владения и фрахта судов, т.е. ограниченной ответственности [3. С. 231]. Наконец, эра долгосрочного экономического роста была бы невозможной без развитого банковского дела [4].

Во-вторых, Шейлока нельзя упрекать в чрезмерной жадности при ведении дел: ростовщичество в Венеции и других итальянских городах строго регулировалось местными властями. Право заниматься кредитованием нужно было покупать, уплачивая каждый год фиксированный налог. Это ограничивало конкуренцию и давало монопольное положение купившим своеобразную «лицензию». Власти устанавливали и размеры процентной ставки. В XIV–XV вв. в разных городах она варьировалась от 10 до 60% годовых. Самые низкие ставки, законодательно установленные для частных заемщиков, 10–12% годовых, как раз были характерны для богатой, жившей не только за счет поборов с кредиторов Венеции. Уменьшение процента было чревато для ростовщика если не убытками, то как минимум недополучением прибыли – отсюда нелюбовь Шейлока к Антонио, который зарабатывает в другой сфере – торговле, но ссужает деньги без процентов и презрительно отзываясь о ростовщичестве:

Он ненавистен мне как христианин,

Но больше тем, что в жалкой простоте
В займы даёт он деньги без процентов
И роста курс в Венеции снижает...
...Он ненавидит наш народ священный
И в сборищах купеческих поносит
Меня, мои дела, барыш мой честный
Совет лихвой [1. С. 399].

Наконец, речь идёт о весьма значительной сумме. Дукат (традиционная венецианская золотая монета, своим названием указывающая на «дуче», «дожа» в противовес флорентийскому флорину) содержал 3,5 грамма золота, а значит, заём предоставляется на 10,5 кг – почти 350 тройских унций! Биржевая цена в феврале 2023 г. составляет приблизительно 1 875 долларов за унцию, т.е. по состоянию на сегодня сумма составила бы около 600 000 долларов.

Смыслы процента в пьесе

1. Ростовщичество как грех

Первый видимый смысл – противостояние корыстолюбивого «капиталиста» Шейлока и бескорыстного «протосоциалиста» Антонио, столкновение на примере дачи в долг под проценты морали братской взаимопомощи и морали наживы, трактуемых как мораль христианина и мораль иудея. Поскольку обычному человеку импонируют практики, основанные на морали братства, обращение в конце произведения Шейлока в лоно христианства представляется и героям произведения, и автору, и европейским читателям того времени счастливым завершением пьесы [5. С. 230]. Греховный мир побеждён «идеальным» христианским миром, что Антонио «предрекает» в момент заключения договорённости о займе без процентов: «Еврей придет к Христу. Он стал добрей!» [1. С. 404].

Традиционный негативный взгляд церкви на ростовщичество опирался на то, что его основным мотивом выступало корыстолюбие, грех алчности [6. С. 374]. Действительно, Шейлок подвержен грехам стяжательства и ненависти, о чём свидетельствуют и его слова «Благословен барыш, коль не украден!», и многократные тирады о ненависти в судебном заседании.

Однако окружают ли Шейлока безгрешные герои? Грех Бассанио – не только мотовство и жизнь за чужой счёт, но и бездействие в момент, когда его друг и благодетель Антонио нуждался в средствах для погашения долга. Дочь Шейлока Джессика не просто выказала непочтение отцу, сбежав из дому, но ещё и украла у того огромные средства (между прочим, при попустительстве своего будущего мужа христианина Лоренцо). Порция присваивает себе роль судьи-правоведа, нарушая тем самым законы республики.

Антонио и вовсе представляется фигурой двуличной: заплатить проценты за пользование займом для него неприемлемо, смертный грех, а поставить на кон собственную жизнь, низведя её ценность до нуля, для него

представляется не грехом, а забавой. Более того, он откровенно лжёт несколько раз на протяжении пьесы – и дожу об отсутствии Джессики на корабле Бассанио, и Шейлоку, утверждая, что он никогда не берёт займы под проценты. Ростовщик-еврей Тубал сообщает Шейлоку, что из Генуи, когда один из кораблей Антонио терпит крушение, «приехали в Венецию несколько кредиторов Антонио; они клянутся, что он должен неминуемо обанкротиться» [1. С. 439], т.е. Антонио не кредитуются в родном городе, но практикует это у ломбардцев. И если опереться на сходство слов «долг» и «грех» в арамейском [7. С. 39], то и брать займы под процент, и давать займы без процента порождают долг и грех. Кроме того, выделение ростовщичества в отдельный вид греха требует иных оснований, чем просто корыстолюбие: ведь торговля так же стремится к прибыли, и купец Антонио так же ищет путей приращения своего состояния. В этом смысле нельзя согласиться с трактовкой противостояния в пьесе двух экономик – Антонианской «oikos» – натуральной, естественной – и Шейлокианской «chreia» – денежной [8]. Торговля настолько же денежна, как и банковское дело. И уж совсем противоречиво смотрит Антонио на лишение Шейлока состояния: по решению суда половина должна отойти в государственную казну, половина – купцу, на жизнь которого «покушались». Дож, однако, заменяет претензии на казённую половину штрафом – и Антонио предлагает, чтобы Шейлок подарил эту половину своей дочери (и её мужу, своему другу Лоренцо). Между тем переходящую в его собственность половину Антонио обещает передать Лоренцо только после смерти Шейлока, а до этого вполне себе спокойно собирается пользоваться данным капиталом.

Наконец, представляется важным разделить моральные практики, ведущие к процветанию «микrokосма» (семьи, друзей) и «макрrokосма» – общества. Альтруизм и сотрудничество, уместные в первой системе, далеко не всегда способствуют процветанию, будучи применены во втором [9. С. 34–36]. Мотивы Антонио в бизнесе эгоистичны, в отношении же друга Бассанио – альтруистичны. Шейлок – любящий отец, давший дочери неплохое образование – далеко не каждая еврейская девушка того времени владела письмом. Он глубоко чтит память своей умершей жены – и сокрушается из-за утраты её подарка – кольца, которым дочь расплатилась за очередную потеху. Шейлок стремится к созданию умиротворённости вокруг себя – в отношении Антонио он изначально благосклонен: вексель представлен тому как шуточный, существует уверенность в исполнении обязательства, деньги он даёт займы для снискания расположения купца, для прекращения нападков на себя в купеческих собраниях:

Судите сами: если он просрочит –
Что пользы мне от этой неустойки?
Людского мяса фунт – от человека –
Не столько стоит и не так полезен,
Как от быка, барана иль козла.
Помочь готов, чтоб милость заслужить;
Согласен он – извольте; нет – прощайте;
За дружбу мне обидой не платите [1. С. 404].

Таким образом, нельзя выстраивать в отношении героев произведения сравнение по степени их «моральности», более того, сравнение разных моралей при их столкновении представляется и вовсе бессмысленным.

2. Процент сквозь призму религиозно-правовых ограничений

Межконфессиональные противоречия в аспектах ведения хозяйственной деятельности в пьесе имеют огромное значение. Религиозное отношение к проценту исследовано в работах [6, 7, 10]. Нормативный запрет ростовщичества в большей степени характерен для Ветхого Завета, а значит, распространяется на отношения внутри как иудейских, так и христианских общин. Исключение составляет как раз возможность «дать серебро в рост» иноземцу, иноверцу. Религия оставляет место для подобной деятельности только «на границе» общин («*inter esse*» – «между религиями») – и еврей Шейлок кредитует христиан.

В Новом Завете прямого запрета ростовщичества нет, но внутренне совершенный человек даёт займы, «не ожидая вернуть что-либо» [10. С. 162–163]. Речь не о проценте – речь о том, что, предоставляя деньги займы, дающий оказывает помощь страждущему и готов к потере своих средств. Именно так поступает Антонио, помогая другу Бассанио.

Интересным аспектом является указание библейских текстов на греховность дачи денег в рост «бедным», «обедневшим», и практически ничего не говорится о богатых: «если дашь деньги займы бедному из народа моего, то не притесняй его и не налагай на него роста» (Исх., 22: 25). Практически ничего не говорится в Священном Писании и о запрете кредитования инвестиционного. Более того, в известной притче о талантах речь скорее о поощрении подобной деятельности [6. С. 375]: серебро необходимо использовать, отдать торгующим и получить назад с прибылью.

Описанный Шекспиром эпизод вообще исключает процент. Купец Антонио выдаёт вексель (выражаясь современным языком, под «товары в пути»), который обязуется погасить / выкупить в определённый срок, в случае же просрочки предусмотрена неустойка. Подобные практики мимикрии процента под штрафные санкции («*inter esse*» – «между смыслами») в целях соблюдения канонического запрета на ростовщичество в средневековой Европе были типичными среди иных уловок, использовавшихся для «соблюдения» запрета на займы под проценты: фальшивых договоров о выкупе товара; сокрытия истинного размера займа, когда заёмщик обязуется вернуть по договору сумму большую, нежели на самом деле получил; сделок с иностранной валютой, процент по которым маскировался дополнительными выплатами; пожизненной ренты, выплаты по которой включали и сумму долга, и процент; ложных депозитных договоров [11. С. 55]. При этом с правовой точки зрения заключённый между Антонио и Шейлоком договор абсолютно правомочен – и не подвергается сомнению ни судом, ни одной из сторон сделки. Шейлок аргументирует: «Мне отказав, вы ввергнете в опасность Республики законы и свободу», Антонио соглашается, признавая вексель – и Порция от имени суда заключает:

Нет, так нельзя, в Венеции нет власти,
Чтоб изменить уставленный закон.
То был бы прецедент, и по примеру
Его немало вторглось бы ошибок
В дела республики. Нет, так нельзя [1. С. 471].

Между прочим Антонио предпринимал попытку найти деньги в качестве беспроцентного займа до того, как обратился к Шейлоку. Он говорит Бассанио:

Чтоб капитал достать; ступай, узнай,
Что может сделать мой кредит в Венеции.
Его я выжму весь и до предела,
Чтоб к Порции в Бельмонт тебя отправить.
Ступай, – разузнавать мы будем оба,
Где деньги есть: найдем их, без сомненья,
Под мой кредит иль в виде одолженья [1. С. 393].

В виде одолженья деньги никто не дал, Антонио был вынужден обратиться к Шейлоку – и тот пошёл навстречу контрагенту, который, с его же слов, «не берет ссуд и не дает в рост», заключив договор не с процентами, а именно с неустойкой. Кроме желания угодить Антонио, о чём говорилось выше, представляется, что ещё одним мотивом заключения договора с неустойкой (кроме обычно постулируемой ненависти к христианину, дающему в долг без процентов и снижающего подобными действиями «рост курса») могло быть понимание, что деньги берутся не в целях ведения бизнеса. Антонио организовал торговые операции за собственный счет, а значит, имел полное право собственности на результаты деятельности не только в форме предпринимательской прибыли, но и в форме процентов на собственный вложенный в дело капитал. Три тысячи дукатов нужны ему в целях финансовой поддержки друга Бассанио в отнюдь не бизнес-предприятии, а в целях сватовства к богатой невесте. Шейлок понимает, что прибыли, полученной «нормальным» путём, не будет – и заключает именно такой договор. Если бы деньги брались под обеспечение бизнеса, процент занял бы своё место *«inter esse»* – между началом и окончанием производственных процессов.

Вексель выступает залогом рискованной деятельности, не приносящей прибыль, и вполне соответствует принятым требованиям, проблема кроется лишь в форме неустойки – и то не в правовом, а в морально-этическом аспекте:

И дух, и текст закона совершенно
Находятся в согласье с неустойкой,
Которая здесь в векселе стоит [1. С. 472].

3. Процент как цена времени

Ключевым *«inter esse»*, на наш взгляд, у Шекспира является перманентное состояние самого человека. Человек всё время находится между про-

шлым и настоящим, пытаюсь оптимизировать на временной шкале своё жизненное благосостояние в широком смысле слова. Одни предпочитают сберегать для улучшения своего положения в будущем, другие – усиленно потреблять в текущем периоде. Автор понимает, что ключевая причина существования процента – предпочтение сегодняшнего потребления будущему. Благо сегодняшнее имеет более высокую ценность для человека, чем благо завтрашнее, хотя бы на том основании, что человек смертен.

Процент выступает как плата за обладание благами сегодня тем, кто готов воздержаться от потребления и предоставить соответствующие средства в долг. Стандартное экономическое прочтение подобного отказа – формирование сбережений, которые предоставляются во временное распоряжение предпринимателей, превращаясь сначала в инвестиционные средства, затем в инвестиционные (капитальные) блага, упорядочивание которых в новых производственных цепочках позволяет повысить общественную производительность. Собственно, за счёт роста эффективности производства и возникает возможность компенсации Человеку сберегающему. Шекспир тонко чувствует переход к новой эпохе, когда именно капиталовооружённость станет ключевым фактором хозяйственного, а за ним и культурного развития. Идёт смена времён, смена эпох, смена нематериального культурного капитала – набора идей, практик, верований, традиций и ценностей, которые служат идентификации и объединяют группы людей [12. С. 1201–1203].

Производственный процесс требует времени – и облекает процент во временную вуаль, тот выступает как цена времени. Отсюда один из истоков религиозного запрета ростовщичества – нельзя торговать временем – тем, чем Создатель наделил всех людей поровну. Тем не менее, существуют люди с различной оценкой межвременной ценности благ, возникает условие кредитования первыми вторых – и человечество благосклонно к подобному, невзирая на формальные запреты.

Разве Шейлок крадёт у Бассанио время? Наоборот, он предоставляет ему возможность осуществить сватовство, не дожидаясь, пока более удачливый претендент выберет правильный из трёх ларцов. Шейлок «продаёт» Бассанио не иное потребление сегодня, но иное положение завтра. Время выступает одним из наиболее часто употребляемых в пьесе терминов – слово «time» встречается 41 раз, а «day» в различных сочетаниях – 33 раза [13. С. 24–25]. И предпочтение одним из участников кредитной сделки – Бассанио – сегодняшнего потребления, а другим – Шейлоком – будущего позволяет автору привести сюжетную линию к хеппи-энду, выражающемуся не только в обращении Шейлока в христианство, но и в сохранении жизни Антонио. Не получи Бассанио деньги Шейлока, он мог опоздать и уступить Порцию более удачливому жениху. А не будь на стороне «победителей» в судебном процессе грамотной в праве и казуистике Порции, разве была бы у суда возможность без нарушения венецианских законов спасти жизнь одного человека и душу другого?

Краткие выводы

Прочтение комедии «Венецианский купец» сквозь призму хозяйственного явления процента позволяет под иным углом взглянуть на отношение автора к героям. Шейлок выступает не только кровожадным евреем-ростовщиком, но и любящим отцом, и защитником хозяйственно-правового порядка, обеспечивающего процветание Венеции. Он как минимум не менее симпатичен Шекспиру, чем мот Бассанио, безучастно наблюдающий за нависшей угрозой жизни его другу Антонио.

Конечно, для Шекспира выше всего человечность. Ничто не стоит человеческой жизни – и в этом смысле грех Шейлока, осуждаемый автором, в покушении на неё, а грех Антонио – в пренебрежительном отношении к её ценности. И конечно же, любые хозяйственные споры меркнут на фоне действительно вечных проблем – любви, дружбы, отношений отцов и детей.

Список источников

1. Шекспир В. Венецианский купец // Полн. собр. соч. : в 8 т. */ отв. ред. А.А. Смирнов. Т. 2. М. ; Л. : Academia, 1937. С. 383–498.
2. Turner F. The Economics of Shakespeare... and His Critics. URL: <http://www.cato-unbound.org/2012/07/06/frederick-turner/economics-shakespeare-critics> (дата обращения: 20.12.2014).
3. Мачерет Д. Социально-экономическая роль транспорта в Средние века // Мир транспорта. 2015. Т. 13. № 2. С. 228–237.
4. Kittler J. Too Big to Fail: The 1499–1500 banking crisis in Renaissance Venice // Journal of Cultural Economy. 2012. Vol. 5. Is. 2: Financial Panics and Crises. P. 165–178.
5. Ганин В.Н. Мальтийский купец и венецианский ростовщик (образ еврея в пьесах К. Марло и В. Шекспира) // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 17. С. 227–240.
6. Дубянский А.Н. К вопросу об осуждении ростовщичества и процента в христианстве // Проблемы современной экономики. 2011. № 2. С. 374–375.
7. Дубянский А.Н. Культурный аспект ростовщичества и процента // Журнал институциональных исследований. 2012. № 4. С. 33–42.
8. Critchley S., McCarthy T. Universal Shylockery: Money and Morality in The Merchant of Venice // Diacritics. 2004. Vol. 34, № 1. P. 3–17.
9. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. М. : Новости, 1992. 302 с.
10. Лукин С.В. Некоторые аспекты христианского нормативного учения о проценте. // Учёные записки СПб филиала РТА. 2014. № 1/49. С. 159–170.
11. Уэрта де Сото Х. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Челябинск : Социум, 2008. 663 с.
12. Weber A.S. Shakespeare, Culture and Economic Intangibles in Knowledge Economies // Challenges of the Knowledge Society. 2012. P. 1200–1206.
13. Зверев А.Г. Language tools for discussing the bill practice of the Shakespeare play “The Merchant of Venice” // Человек. Общество. Государство. 2018. № 1 (4). С. 22–27.

References

1. Shakespeare, W. (1937) *Poln. sobr. soch.* [Complete Works]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Academia. pp. 383–498.

2. Turner, F. (2012) The Economics of Shakespeare... and His Critics. *Cato Unbound*. [Online] Available from: <http://www.cato-unbound.org/2012/07/06/frederick-turner/economics-shakespeare-critics> (Accessed: 20.12.2014).
3. Macheret, D. (2015) Sotsial'no-ekonomicheskaya rol' transporta v Srednie veka [Socio-economic role of transport in the Middle Ages]. *Mir transporta*. 2 (13). pp. 228–237.
4. Kittler, J. (2012) Too Big to Fail: The 1499–1500 banking crisis in Renaissance Venice. *Journal of Cultural Economy*. 2 (5). pp. 165–178.
5. Ganin, V.N. (2018) Mal'tiyskiy kupets i venetsianskiy rostovshchik (obraz evreya v p'esakh K. Marlo i V. Shekspira) [Maltese merchant and Venetian moneylender (the image of a Jew in the plays of K. Marlowe and W. Shakespeare)]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*. 17. pp. 227–240.
6. Dubyanskiy, A.N. (2011) K voprosu ob osuzhdenii rostovshchichestva i protsenta v khristianstve [On the issue of condemning usury and interest in Christianity]. *Problemy sovremennoy ekonomiki*. 2. pp. 374–375.
7. Dubyanskiy, A.N. (2012) Kul'turnyy aspekt rostovshchichestva i protsenta [Cultural aspect of usury and interest]. *Zhurnal institucional'nykh issledovaniy*. 4. pp. 33–42.
8. Critchley, S. & McCarthy, T. (2004) Universal Shylockery: Money and Morality in The Merchant of Venice. *Diacritics*. 1 (34). pp. 3–17.
9. Khayek, F.A. (1992) *Pagubnaya samonadeyannost'* [Detrimental Arrogance]. Moscow: Novosti.
10. Lukin, S.V. (2014) Nekotorye aspekty khristianskogo normativnogo ucheniya o protsente. [Some aspects of the Christian normative doctrine of interest]. *Uchenye zapiski SPb filiala RTA*. 1/49. pp. 159–170.
11. Huerta de Soto, J. (2008) *Den'gi, bankovskiy kredit i ekonomicheskie tsikly* [Money, Bank Credit, and Economic Cycles]. Translated from English. Chelyabinsk: Sotsium.
12. Weber, A.S. (2012) Shakespeare, Culture and Economic Intangibles in Knowledge Economies. *Challenges of the Knowledge Society*. pp. 1200–1206.
13. Zverev, A.G. (2018) Language tools for discussing the bill practice of the Shakespeare play "The Merchant of Venice". *Chelovek. Obshchestvo. Gosudarstvo*. 1 (4). pp. 22–27.

Информация об авторе:

Ковалёв А.В. – канд. экон. наук, доцент кафедры «Экономика и право» Белорусского национального технического университета (Минск, Республика Беларусь). E-mail: kavaliou.aliaksandr@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Kavaliou, Cand. Sci. (Economics), associate professor, Belarusian National Technical University (Minsk, Republic of Belarus). E-mail: kavaliou.aliaksandr@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.01.2022;
одобрена после рецензирования 29.03.2023; принята к публикации 26.12.2023.*

*The article was submitted 25.01.2022;
approved after reviewing 29.03.2023; accepted for publication 26.12.2023.*